

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена
Петербургский институт иудаики

ДЕВЯТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

статьи и материалы

Цвелодубово Ленинградской области
2013

Александр Кобринский

Мифы о Хармсе: некоторые заметки о мемуаристике и квазимемуаристике

The article analyzes the personal accounts of Daniil Kharms given by various people, published by Svetozar Shishman. Through a series of sources, the analysis demonstrates the significant gaps in the validity of these accounts and points to the reasons behind these gaps.

Key words: *Memoirs, diary, validity, analysis.*

В статье анализируются опубликованные Светозаром Шишманом воспоминания разных людей о Данииле Хармсе. Анализ с привлечением различных источников, демонстрирует существенную недостоверность этих воспоминаний и указывает на причины этой недостоверности.

Ключевые слова: мемуары, дневник, достоверность, анализ.

I

Воспоминания о Хармсе, собранные Светозаром Шишманом, вышли в 1991 году, уже посмертно, но с указанием что издание осуществлено за средств авторов (очень маленьким для того времени тиражом в 5000 экземпляров) [16]. Автор приводит множество интереснейших мемуарных фактов — как со ссылкой на источники и без ссылок. Главным из этих источников были его родители, прежде всего, конечно, — отце, Семен Шишман. Родители Шишмана учились в конце 20-х — начале 30-х годов на Высших курсах искусствования при Государственном институте истории искусств, где, в свою очередь чуть ранее успел поучиться и Хармс.

Возникла очень интересная и странная ситуация. Исследователи, не отрицая ценности многих приведенных в книге Шишмана мемуарных свидетельств, старались избегать обращаться к ней в принципе, поскольку было очевидно, что мемуары перемешаны с явным вымыслом. Для многочисленных работ книга как источник будто бы не существовала¹, и никто не пытался проанализировать содержащуюся

¹ Автор данной статьи также сознательно избегал использовать приведенные в ней факты в своей биографии Хармса, вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» [6].

в ней информацию, чтобы постараться вычленить ее мифологический пласт и, что не менее важно, — определить, почему именно так возник миф, каковы его источники и модели, к которым он восходит.

Все мемуарные тексты Шишмана можно разделить на три типа:

1. Собственные воспоминания о встречах с людьми, знавших Хармса.

2. Записанные им воспоминания о Хармсе и Введенском людей, его знавших. Шишман много времени действительно собирал эти свидетельства. Среди них, например, воспоминания одноклассницы Хармса М. П. Семеновой-Рубенской, Натальи Борисовны Шанько, жены Антона Исааковича Шварца и подруги жены Хармса Марины Малич, журналиста Эдуарда Аренина и т. д. Они явно точно воспроизводят источник, хотя и не делается попыток этот источник осмыслить.

3. Рассказы без ссылок на источник. По умолчанию, они передаются как услышанные от родителей.

II

Весьма характерными и важными для анализа представляются истории Шишмана, связанные с Мандельштамом и, по его информации, якобы услышанные от отца.

Как он пишет, «история о том, что Осип Эмильевич влепил пощечину Алексею Толстому, рассказывалась в Ленинграде чуть ли не в тот же день»². следует некоторая контаминация из воспоминаний Надежды Яковлевны Мандельштам и Елены Тагер, изданных в Париже и Нью-Йорке [см.: 8, 9, 11, 12] о данной Мандельштамом Толстому пощечине, среди которых присутствуют и фраза Мандельштама о том, что он «наказал палача, выдавшего ордер на избивание его жены», и крики Толстого о том, что он закроет ему все издательства, не даст «этому поэтишке печататься» и вышлет ему из Москвы. Волей Шишмана Введенский также пересказывает также восходящую к мемуарам Н. Я. Мандельштам легенду о том, что Толстой немедленно («в тот же день») выехал в Москву жаловаться Горькому на Мандельштама, а Горький произнес совершенно фантастическую (в устах юдофила, которым был Горький) фразу «мы ему покажем, как бить русских писателей» [16, с. 109–111].

² См. также замечание О. Лекманова: «поступок Мандельштама широко обсуждался в литературных кругах» [7, с. 163].

Из этого «мемуара» видно, что Шишману были в 1982 году доступны нью-йоркские и парижские издания (или их самиздатовские копии), но на этом дело не заканчивается, оказывается, что вся история с пощечиной Толстому является лишь прелюдией к сенсационной сцене мая 1934 года, в которой Хармс с Введенским обсуждают причины ареста Мандельштама. Это обсуждение практически воспроизводит описание аналогичного обсуждения между Н. Я. Мандельштам и Ахматовой после ареста Мандельштама в 1934 году, о котором Н. Я. пишет в «Воспоминаниях». Хармс и Введенский сходятся на том, что вряд ли причиной ареста стала пощечина Алексею Толстому, после чего сообщаются сенсационные сведения о том, как Введенский читает Хармсу стихотворение «Мы живем, под собою не чуя страны». После этого между ними происходит следующий диалог:

Хармс только тяжело вздохнул:

— Вот именно стихи, как далеки они от поэзии.

— Но как близки жизни. А?

— Что мы знаем о жизни? Что мы знаем о смерти? [16, с. 111].

Сейчас мы поименно благодаря мемуарам и «трудам» следователям знаем людей, которым Мандельштам успел прочесть свое стихотворение. Введенского среди них не было, вероятность того, что такой текст до него дошел бы изустно, — практически, нулевая.³

Похоже, что Шишман ничего не знал и об отношениях Хармса с А. Н. Толстым, которые были если не дружескими, то очень теплыми.

Но самое интересное — это то, что невероятность мемуара Шишман закодировал в скрытой цитате. Последняя фраза Хармса построена по вопросительным моделям в текстах Введенского, с которыми Шишман, судя по всему, познакомился по ардисовскому изданию Введенского, подготовленному Михаилом Мейлахом (1980-1984) [3] — (опять-таки отмечаем, что доступ к там- и самиздату у Шишмана был вполне хорошим). Сентенция «Что мы знаем о жизни? Что мы знаем о смерти?» моделируется по известному вопросу «Что знаем о смерти мы люди» («Очевидец и крыса») [4, т. 1, с. 176]. Читавший Введенского понимает мифологичность самого разговора о Мандельштаме. А читавший воспоминания Н. Я. Мандельштам легко узнает и источник заявления о том, что эти стихи «далеки от поэзии» — по сути, это парафраз

³ Перечень тех, кому Мандельштам успел прочесть антисталинское стихотворение, приводит О. А. Лекманов [7, с. 160].

известных слов Пастернака, который не принимал именно художественную сторону этого произведения, считая его актом самоубийства.

II

Значительная часть книги основывается как на опубликованных в 1980 году воспоминаниях художницы Алисы Ивановны Порет, ученицы Филонова, о Хармсе, так и на собственных записях Шишмана, сделанных по впечатлениям его встреч с нею (как он пишет, он был лично знаком с художницей). Среди этих записей — особняком стоит мемуар о том, как однажды Хармс пришел к ней в гости, когда у нее пил чай Зощенко. Хармс отказался сесть с Зощенко за один стол и ждал, пока тот уйдет, сидя на краешке дивана. После ухода Зощенко Хармс объяснил Порет, что не может сидеть за столом, так как он написал пасквиль о Сологубе (имеется в виду рассказ «Дама с цветами»), а самое главное — он участвовал в создании книги о Беломоро-Балтийском канале [16, с. 87–89].

История взаимоотношений Порет с Хармсом была такова: они очень дружили в 1928–1931 годах — вплоть до его ареста — и, судя по всему, это была действительно дружба и только. По возвращении Хармса из ссылки он возобновил с ней дружеские отношения, они встречались очень часто — и, вот, с каждым днем Хармс в нее начал понемногу влюбляться... К февралю 1933 года влюбленность проявляется уже открыто. «С Алисой Ивановной мы виделись буквально каждый день, — записывает Хармс в дневнике. — Я все больше и больше влюблялся в нее, и 1-го февраля сказал ей об этом. Мы назвали это дружбой и продолжали встречаться» [13, т. 2, с. 216]. Параллельно у Алисы Порет развивались отношения с Петром Павловичем Снопковым — и она, видимо, долго не могла выбрать. Все решила небольшая ссора Хармса и Порет, которая произошла 20–21 февраля 1933 года. Примерно неделю они не виделись, а когда в конце февраля Алиса Ивановна пришла к Хармсу, то сообщила ему, что любит Петра Павловича Снопкова и уже живет с ним [13, т. 2, с. 218].

Это не прервало отношений Хармса с Порет, но сразу же резко охладило их. Когда уже позже, в сентябре того же года, Хармс вспоминал о своем коротком романе с ней, то причины расставания в его откровенном изложении выглядели так:

«Как часто мы заблуждаемся! Я был влюблен в Алису Ивановну, пока не получил от нее всего, что требует у женщины мужчи-

на. Тогда я разлюбил Алису. Не потому, что пресытился, удовлетворил свою страсть, и что либо тому подобное. Нет, просто потому, что узнав Алису как женщину, я узнал, что она женщина неинтересная, по крайней мере на мой вкус. А потом я увидел в ней и другие недостатки. И скоро я совсем разлюбил ее, как раз тогда, когда она полюбила меня. Я буквально удрал, объяснив ей, что ухожу ибо она любит Петра Павловича. Недавно я узнал, что Алиса вышла замуж за Петра Павловича. О как я был рад!» [13, т. 2, с. 218].

Как мы видим, Хармс узнает о втором замужестве Порет (первый ее муж умер в 1927 году) постфактум — приблизительно в августе-сентябре 1933 года. По версии же Алисы Порет, Хармс присутствовал на их свадьбе (Шишман аккуратно передает ее рассказ), как на ее свадьбе был устроен большой бал и Петр Снопков преподнес ей в виде свадебного подарка необычайно красивый самурайский меч, хранившийся у него и бывший предметом зависти многих знакомых. Поскольку примета требовала дать за острый предмет монетку, Хармс дает Снопкову какую-то «старую, почерневшую деньгу» и пророчески изрекает, что он не хочет ним разлучаться [16, с. 87]. Не случайно у Порет якобы остается ощущение от него, как от Fe Cara Bosse (феи Карабос).

Но, увы, похоже, что красивый сюжет с Хармсом на свадьбе Порет является чистой выдумкой Алисы Ивановны, основой которой является ее стремление задним числом «подправить» истинные причины расставания, которые для Порет были, очевидно, унижительны и причинили определенную психологическую травму. Как мы знаем, типологически этот вид мемуарной коррекции вполне распространен. В свою очередь, это увеличивает основания для подозрений и относительно других сведений Порет, в частности, про встречу в ее квартире на Спасской улице (ул. Рылеева) Хармса с Зошенко. Ну и вдобавок мемуар Порет характеризует тот факт, что сюжет с Хармсом на свадьбе построен с целью акцентуализации ее ощущения Хармса как мага, колдуна и «мистического человека» (см.: 10, с. 359 а также 16, с. 87⁴). Мало того, что Хармс, по ее рассказу, явился к ней вечером того же дня, когда они со Снопковым расписались в ЗАГСе, он еще, как и положено злему волшебнику на свадьбе, изрекает пророчество о том, что он еще увидится с Петром Павловичем. Пророчество,

⁴ Общеизвестно, что образ колдуна, мага культивировался Хармсом примерно с середины 1920-х годов.

имеющее, разумеется, зловещую окраску, сбывается — Снопков арестован и в тюрьме встречается с Хармсом. В записке, переданной на волю, он просит передать Алисе Ивановне о сбывшемся пророчестве: «Передайте Алисе — здесь Хармс. Я видел его...» [16, с. 87]. Единственная накладка, на которую не обращают внимание ни информант, ни Шишман, — это то, что Хармс и Снопков были арестованы двумя годами раньше, чем состоялась та самая свадьба Порет.

Таким образом, речь идет о моделировании мемуара в стилистике жанра легенды, что и становится основой для мифотворчества.

Могла произойти встреча Хармса с Зошенко у Порет? В принципе, могла, но обратимся к хронологии создания книги о канале.

17 августа 1933 года Беломоро-Балтийский канал посетила группа из 120 писателей и художников во главе с Максимом Горьким для освещения строительства. Часть из них (36 человек) приняли затем участие в написании 600-страничной книги, посвящённой созданию Беломорканала. Памятная книга «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина» была издана в конце 1934 года издательством «История фабрик и заводов», специально к XVII съезду коммунистической партии [2]. Редакторами книги являлись: Максим Горький, Л. Л. Авербах, С. Г. Фирин. Впоследствии многие авторы, а также редакторы Л. Л. Авербах и С. Г. Фирин были арестованы, а после 1937 г. почти весь тираж книги по указанию Главлита был изъят из библиотек и уничтожен.

Следовательно, приводимый Алисой Порет мемуар о встрече Хармса с Зошенко мог состояться только в 1935–1936 годах. Однако 1935 год исключен, поскольку сохранилось письмо Хармса к Порет, в котором он просит ее вернуть роман Густава Мейринка «Голем» (на немецком языке) (речь идет, видимо, об издании 1915 года), который он когда-то дал ее брату. В этом письме он неоднократно извиняется за сам факт обращения к ней и объясняет, что он сделал всё, чтобы этого обращения избежать (в течение года почти ежедневно обходил букинистические лавки в надежде купить другой экземпляр романа). В конце письма он снова просит извинить «обстоятельства, которые заставили его обратиться к ней» и предлагает, если книга еще цела, послать ее ему почтой [15, с. 73]. Представляется несомненным, что подобный стиль просьбы может значить только одно: отношения между Хармсом и Порет уже были по какой-то причине разорваны, всякое личное общение уже было исключено и даже обращение с деловой просьбой

оказывалось практически невозможным. Письмо это не датировано, но Хармс сообщает Порет свой почтовый адрес, напоминая, что его улица теперь называется «Маяковская», а поскольку переименование произошло в 1936 году, то можно сделать вывод, что письмо написано именно в этом году. Таким образом, времени для дружеского визита Хармса к Порет и встречи там с Зошенко просто не остается времени. Такие мелочи, как обращения в Хармса к Порет в цитированном мемуаре на «ты» (мы знаем из записных книжек и дневников, что к Порет он обращался исключительно на «вы» и в его знаменитый список «с кем я на ты», она не входила) не имеет даже смысла упоминать.

III

Значительное количество свидетельств, приводимых Шишманом, базируются на рассказах — Анны Семеновны Ивантер, первой жены Введенского (на Тамаре Мейер он женат официально не был). Она была прозвана Геростратом за то, что после первого ареста Введенского сожгла все хранившиеся на антресолях его рукописи. Свидетельства эти, судя по всему, датируются 1980-ми годами, т.е. — примерно через 50–55 лет после описываемых событий. Существуют определенные механизмы мифологизации мемуаров, которые комментатор обычно должен учитывать, «очищая» фактологию от субъективных наслоений. Один из таких хорошо известных механизмов связан с позднейшей коррекцией этической позиции мемуариста, которую мы и попробуем вычленить, параллельно сверив факты с теми, которые нам доступны из достоверных источников (прежде всего — писем и записных книжек Хармса).

Обратимся, например, к сообщаемым Шишманом на основании рассказов Ивантер обстоятельствам ареста и ссылки Хармса и Введенского, не имеющим иных подтверждений. Так, из его текста следует, что в декабре 1931 года Введенский был арестован. Далее цитирую:

«В Тосно Александр Введенский был высажен из поезда и взят под стражу. <...>

Введенский был направлен на поселение в Курск, а в конце 1932 года его перевели в Борисоглебск.

Нюра собиралась к мужу. Денег на поездку и жизнь в ссылке не было. Что-то наскребли родственники Александра, а брат Нюры, Виктор Семенович, в качестве денежной компенсации передал им старинные кресло и лампу. <...>

Почти одновременно с Введенским был арестован и Хармс. <...>

13 июля 1932 года Хармса также сослали в Курск.

Александр с Нюрой встречали его. Не успел Хармс выйти из вагона, как Введенский спросил:

— Ну, какие новые питерские анекдоты привез? <...>

18 ноября 1932 года Д. Хармс и А. Введенский возвращаются из ссылки» [16, с. 94–95].

Оказывается, что фактическая сторона сильно мифологизирована. Переписка Хармса и Введенского, дневники и записные книжки Хармса, мемуарные свидетельства других ссыльных, живших вместе с ними (например, Соломона Гершова [5]) показывают, что Введенский действительно ожидал жену и готовился ко встрече с ней:

«Дело в том, что я зову сейчас сюда Нюрочку, — пишет Введенский Хармсу 21 июня 1932 года, — если она приедет, хорошо бы вы вместе поехали, то надо будет найти тебе комнату; та, в которой я живу, очень маленькая, да и кровати нет, и хозяйка сердитая, но авось, что-нибудь придумаем. Может быть, 2 комнаты сразу достанем. Одну для меня с Нюрочкой, другую для тебя. Во всяком случае, устроимся. От Нюрочки я, правда, еще ответа не имею: приедет она или нет, тоже не знаю» [1, с. 3].

То, что Ивантер путает через 50 лет станцию, на которой был арестован Введенский (правильно Любань, а не Тосно) — не столь важно, гораздо важнее для комментатора то, что она придумала всю свою поездку в Курск к мужу.

Хармс ехал в Курск один, и «Нюрочка» в Курске так и не появилась. Ни у кого, включая самого Хармса, нет ни одного о ней упоминания, а Введенский жил в одиночестве в своей комнате все время пребывания в Курске. Косвенным доказательством отсутствия вместе с Введенским жены может служить следующая цитата из записей Хармса от 6 сентября: «Поменялся с А. И. комнатами. О, сколько клопов было в А. И. кровати! Целый день воевал с ними, обдирал обои и мыл все керосином» [13, т. 1, с. 426]. Следует согласиться, что на супружескую кровать это не очень похоже, как не похоже на супружескую жизнь и то, что Введенский в Курске постоянно знакомился с разными женщинами, и гулял с ними, возвращаясь домой поздно.⁵ Был момент, когда целая группа ссыльных знакомых во-

⁵ См. в записи Хармса «Я один...», написанном в промежутке между 20 и 22 сентября 1932 года: «Хоть бы Александр Иванович пришел скорее! Но раньше, чем через два часа его ждать нечего. Сейчас он гуляет с Еленой Петровной и объясняет ей свои взгляды на любовь» [13, т. 1, с. 36].

обще жила, как свидетельствует Гершов, в одной комнате в подвале: он сам, Хармс, Введенский, Сафонова, Эрбштейн, а также хозяйка, злоупотреблявшая горячительными напитками [5, с. 121].

Суть отношений между Анной Семеновной Ивантер и Введенским вполне можно понять по записи Хармса, сделанной им 28 ноября 1932 года. Дело в том, что в конце сентября 1932 года ГПУ принимает решение о сужении перечня мест для политических ссыльных. В эту сферу попал и Курск, в результате чего многим ссыльным предстояло готовиться к новому переезду. Видя отчаяние художницы Сафоновой, которую выслали из Курска в Вологду, где ее ждало бы полное одиночество, Введенский сам пошел в курское ГПУ и попросился тоже в Вологду. Ему разрешили, причем обоим дали возможность задержаться ненадолго в Ленинграде, через который лежал путь в Вологду. В Ленинграде Введенский договорился об изменении места на Борисоглебск, и 28 ноября Введенский едет из Ленинграда сначала в Вологду (видимо, для отметки), а оттуда — в Борисоглебск. Запись Хармса:

«Сегодня Александр Иванович едет в Борисоглебск. От Липавско-го я пошел прямо к Александру Ивановичу. Я был с ним на рынке, где он покупал себе почки. Придя к Александру Ивановичу с рынка, я обнаружил, что пропала моя старая трубка. Кто поймет, что значит потерять трубку! По счастью, оказалось, что она у Тамары Александровны. Я провожал Александра Ивановича.

На вокзал с нами поехали обе Евгении Ивановны. Туда же должна была прийти Анна Семеновна и сестра Эрбштейна. За полчаса до отхода поезда Евгении Ивановны ушли. Мы остались с Александром Ивановичем вдвоем. И вот его Нюрочка не пришла. Я видел, как его это опечалило. Он уехал очень расстроенный. Потом Нюрочка звонила мне и спрашивала, как уехал Александр Иванович. Нюрочка похожа своим поведением на Эстер» [13, т. 2, с. 211]. Хармс здесь имеет в виду абсолютную безответственность Эстер в том, что касалось каких бы то ни было договоренностей.

Точно так же Шишман переносит в свою книгу рассказ Ивантер о совместном возвращении Хармса с Введенским в Ленинград 18 ноября 1932 года. Выглядит это так, как будто хлопоты отца Хармса Ивана Павловича Ювачева возымели свое действие. Между тем, ничего подобного не было: сначала в Ленинград уехали Введенский и Сафонова, чтобы следовать на новое место ссылки; 3 октября они уже оказались в Ленинграде, Введенский провел целую серию переговоров с сотруд-

никами ГПУ и с родственниками, что сделало возможным возвращение в Ленинград и Хармса. При этом предполагалось, что это тоже будет временный приезд для последующей отправки в Вологду, но в отличие от Введенского и Сафоновой Хармсу удалось получить разрешение из Ленинграда уже никуда не уезжать.

Таким образом, в книге содержится целый пласт информации, который базируется на мифах мемуаристов. Эти мифы поддаются верификации, и задачей комментатора является как их выделение, так и — по возможности — установление причин самого их появления в (квази-)мемуарном тексте.

Список литературы и источников

1. А. Введенский и Д. Хармс в их переписке. Проспект. Париж, 2004. С. 58–60.
2. Беломоро-Балтийский канал им. Сталина. История строительства. [М.], 1934.
3. *Введенский А.* Полное собрание произведений: В 2-х т., Ann Arbor. 1978–1980.
4. *Введенский А.* Полное собрание произведений: В 2-х т. М., 1993.
5. *Гершов С.* «Быт у нас был жалкий...» // Новый мир. М., 2006. № 2. С. 121–122.
6. *Кобринский А.* Даниил Хармс. М., 2009 (серия «Жизнь замечательных людей»).
7. *Лекманов О.* Мандельштам. М., 2004 (серия «Жизнь замечательных людей»).
8. *Мандельштам Н.* Вторая книга. Paris, 1972.
9. *Мандельштам Н.* Вторая книга. Paris, 1978.
10. *Порет А.* Воспоминания о Данииле Хармсе // Панорама искусств. Вып. 3. М., 1980. С. 347–359
11. *Тагер Е.* О Мандельштаме // Новый журнал. Нью-Йорк. 1965. № 81. С. 172–199.
12. *Тагер Е.* О Мандельштаме: Воспоминания. New York. 1965.
13. *Хармс Д.* Полное собрание сочинений. Записные книжки. Дневник. Книги 1–2. СПб., 2002.
14. *Хармс Д.* Полное собрание сочинений. Т. 2. Проза и сценки. Драматические произведения. СПб., 1997.
15. *Хармс Д.* Полное собрание сочинений. Незданный Хармс. Трактаты и статьи. Письма. Дополнения к т. 1–3. СПб., 2001.
16. *Шшшман С.* Несколько веселых и грустных историй о Данииле Хармсе и его друзьях. Л., 1991.